

Н. Г. Борозна

ВИДЫ ЖЕНСКИХ ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЙ У НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА *

(В СВЯЗИ С ПОДГОТОВКОЙ
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО АТЛАСА)

В состав женского национального костюма народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX—начале XX в. входил обязательный комплекс ювелирных украшений, которые, как и одежда, отражали в какой-то мере этническое своеобразие народа, а также его этнографических и локальных групп. Поэтому исследование ювелирных украшений в известной степени помогает не только вскрыть пути эволюции народного костюма, но и выявить этнические и культурные связи.

В Средней Азии и Казахстане ювелирные изделия распространены повсеместно. Изготавливали их чаще всего из серебра, золота, латуни, меди, бронзы, олова. Украшались ювелирные изделия преимущественно бирюзой, сердоликом, перламутром, кораллами, стеклом. Женщины из богатых семей носили украшения, отделанные драгоценными камнями — жемчугом, рубинами, изумрудами. Распространенными способами отделки ювелирных изделий были зернь, чернь, филигрань.

Мастера-ювелиры использовали различные приемы обработки металлов: горячую и холодную ковку пластин, напай, позолоту (с применением ртути и кислоты), чернение и др.

Ювелирными изделиями издавна торговали в городских и сельских центрах Средней Азии и Казахстана, в результате чего можно отметить заимствования и взаимовлияния в этой отрасли прикладного искусства. Однако, несмотря на это, художественные ювелирные изделия не толь-

* Статья написана недавно скончавшейся сотрудницей Сектора народов Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР Нэлой Григорьевной Борозной, изучавшей материальную и духовную культуру народов Средней Азии, в частности узбеков (см., например, ее работы: Изменения в хозяйстве узбеков долины Кафирнигана, «Сов. этнография», 1963, № 1; Материальная культура узбеков Баба-тага и долины Кафирнигана, в кн.: «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана», М., 1966; Некоторые черты свадебной обрядности узбеков-дурменов южных районов Таджикистана и Узбекистана, «Сов. этнография», 1969, № 2 и др.).

Последние годы Н. Г. Борозна изучала женские ювелирные украшения народов Средней Азии и Казахстана. Собранный материал обработать полностью Н. Г. Борозна, к сожалению, не успела. Он частично был использован ею в докладе, прочитанном на Сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований 1972 г., в двух опубликованных статьях — «Особенности комплексов ювелирных украшений населения некоторых районов Узбекистана» (в кн.: «Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 году», М., 1971) и «Некоторые черты культуры населения Каракульского оазиса в связи с его этническим составом (типы и комплексы ювелирных украшений)» (в кн.: «Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 году», М., 1972) и в подготовленной к печати работе о ювелирных изделиях, имевших магическое значение.

При написании данной статьи автором использованы богатейшие коллекции украшений и их научные описания, хранящиеся в музеях Средней Азии, а также собственные полевые материалы. На рисунках, приведенных в статье, изображены изделия из фондов музеев Ташкента, Самарканда, Бухары, Хивы и др. городов.

ко каждого народа, но и отдельных этнографических и локальных групп его, сохранили свои, свойственные только им, особенности. При исследовании ювелирных изделий обычно довольно четко прослеживается связь с этнической принадлежностью их носителей. Самым непосредственным образом отражались в характере предметов ювелирного производства также социальные и возрастные различия населения. Так, были особые украшения для богатой прослойки населения, для рядовых городских и сельских жителей. Различались украшения девочек, девушек, невест, молодых, женщин-матерей и старух¹.

Научная классификация женских ювелирных украшений еще не разработана. Предварительным этапом ее может служить выделение определенных видов изделий у отдельных этнических групп².

В данной статье мы рассмотрим женские ювелирные украшения, распределив их с учетом лишь одного признака — способа ношения. По этому признаку можно выделить четыре основных вида женских ювелирных украшений: 1) головные, 2) нагрудные, шейные и наплечные, 3) украшения, которыми отделялись пояса, 4) украшения для рук и ног. Виды мы подразделяем в свою очередь на группы, затем типы и подтипы.

Рис. 1. Узбечка в свадебном уборе

Головные украшения

Этот вид объединяет несколько групп: украшения налобные; височные; прикрепляемые к головному убору; накосные; серьги ушные и носовые.

Налобные украшения. В эту группу входят три типа украшений: 1) кокошники; 2) диадемы; 3) налобные подвески.

1. **Кокошник тилло кош** (золотые брови) — серебряная фигурная пластина, по форме напоминающая широкие брови. На позолоченную поверхность ее наносился орнамент, имитирующий волоски бровей. К верхней части прикреплялось серебряное, выполненное техникой проresi навершие, с вставленными овальными или круглыми камнями и стеклами. Нижний край пластины украшался рядом коротких подвесок,

¹ Существовали также особые кольца для мужчин, занятых определенным видом труда: мясников, парикмахеров, обмывальщиков трупов и др.

² Попытка классификации женских украшений у отдельных народов Средней Азии уже предпринималась исследователями. См.: М. В. Сазонова, Украшения узбеков Хорезма, «Традиционная культура народов Передней и Средней Азии», «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XXVI, Л., 1970; Л. А. Чвырь, Ювелиры-ремесленники и местная художественная традиция, «Сов. этнография», 1972, № 1 и др.

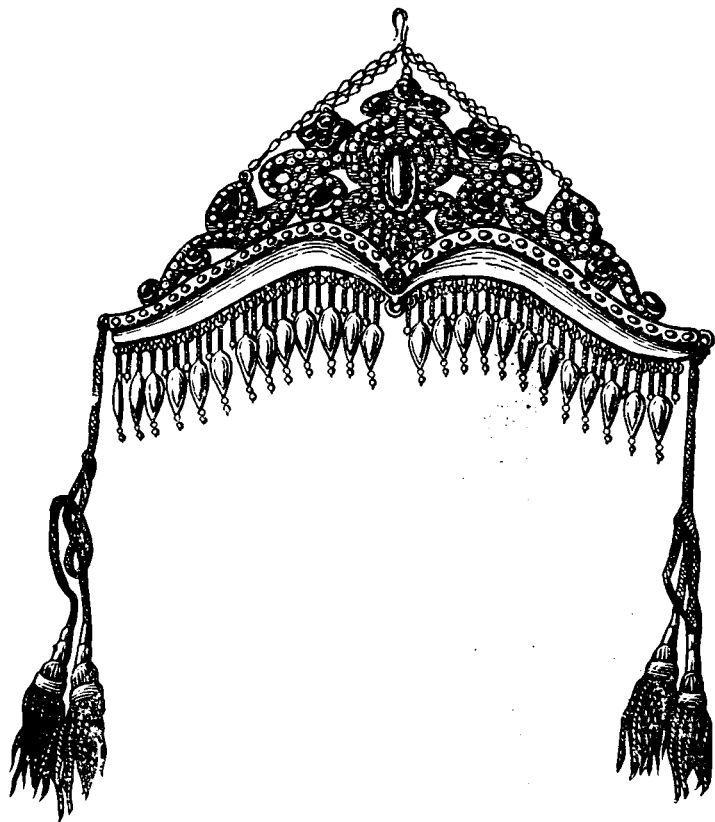

Рис. 2. Кокошник
тилло коши

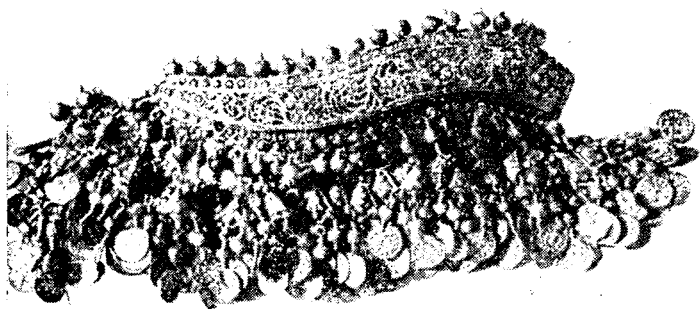

Рис. 3. Фрагмент
налобного украшения,
бытовавшего
в Хорезме

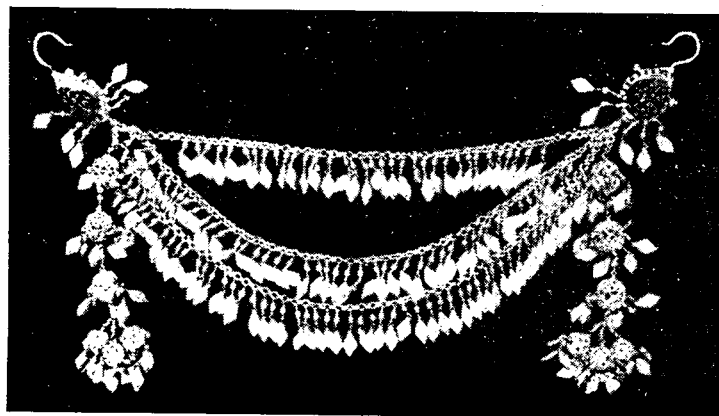

Рис. 4. Налобное
украшение *синсиля*

спускавшихся на брови. Несколько отличались от описанного типа бухарский, хивинский и ташкентский кокошники.

В бухарском кокошнике навершие делали более низким и украшали драгоценными камнями; хивинский — имел особую форму: он был высокий, рогообразный. Основой ташкентского кокошника служила массивная, довольно грубо обработанная пластина. Он вошел в обиход лишь в самом конце XIX — начале XX в.³

Тилло кош носили преимущественно жители городов, а также земледельческое население оазисов (таджички и узбечки), не имевшее родоплеменного деления. Встречались кокошники и у даштикипчакских узбечек, заимствовавших их, видимо, у местного оседлого населения.

2. Диадемы. Основой этого украшения служили подвижно соединенные фигурные пластины. Металлическая лента охватывала лоб и завязывалась на затылке. Встречались диадемы двух подтипов: *баргак* и *синсиля* (*силсиля*).

Баргак (листок) — изделие из серебряных квадратных пластинок, подвижно соединенных при помощи шарниров. Поверхность пластинок украшена розетками из мелкой бирюзы и кораллов. К нижнему краю баргака прикреплялись подвески, подобные подвескам тилло коша. Своим образом бухарский баргак, в котором серебряные квадратные фигурки со штампованным орнаментом были соединены пропущенными сквозь них тонкими шнурами.

В начале XX в. баргак носили в сочетании с тилло кошом, который надевали поверх баргака. Баргак, так же как и тилло кош, бытовал среди таджиков и узбеков-сартов; у них он был, видимо, и заимствован некоторыми группами казахов, каракалпаками и даштикипчакскими узбеками Ферганской и Заравшанской долин.

Синсиля (цепочка) состоит из фигурных полых или плоских пластинок (овальных, ромбовидных и т. п.) с ромбовидными подвесками. Пластины соединены подвижно при помощи цепочек или колец. Отличительная черта украшения — отсутствие на поверхности пластинок вставок из камней и стекла. Этот подтип диадемы в разных его вариантах был распространен у полукочевых населения Средней Азии и Казахстана: казахов, киргизов, полукочевых узбеков и туркмен. У некоторых племенных групп туркмен синсиля были сделаны из массивных ромбовидных пластин с крупными вставками сердолика, но без подвесок. Кроме того, у них встречались синсиля из прорезных серебряных пластин с длинными височными подвесками, спускавшимися до плеч, и налобными, с обильными вставками сердолика, спускавшимися до бровей.

3. Налобные подвески. Старинным головным украшением был комплекс, состоявший из трех крупных подвесок в виде полумесяца с концами, обращенными вверх. Подвески назывались *махи тилло*. Они прикреплялись крючками к головному убору. Одна подвеска спускалась на лоб, две другие — на виски.

Височные подвески иногда имели треугольную форму. *Махи тилло* носили в сочетании с *зильфи тилло* — черными шнурами, на которые нанизывались черные кисти с серебряными куполками, перемежающи-

Рис. 5. Налобная подвеска *махи тилло*

³ См. материалы М. А. Бикжановой в описях коллекций ювелирных изделий Музея искусств Узбекской ССР.

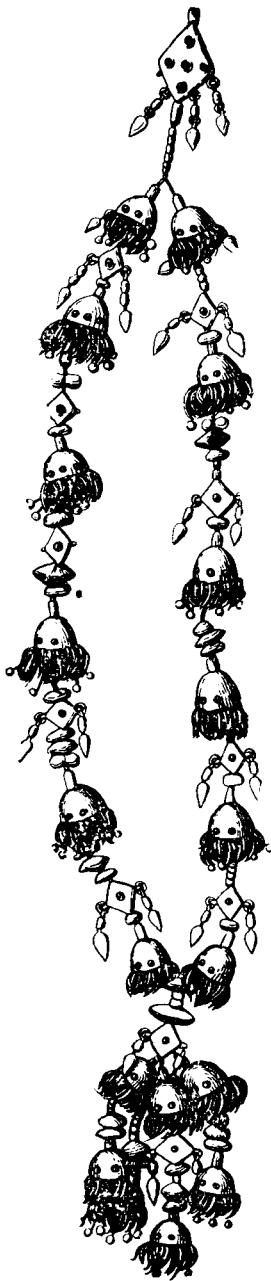

Рис. 6. Головное украшение зульфи тилло

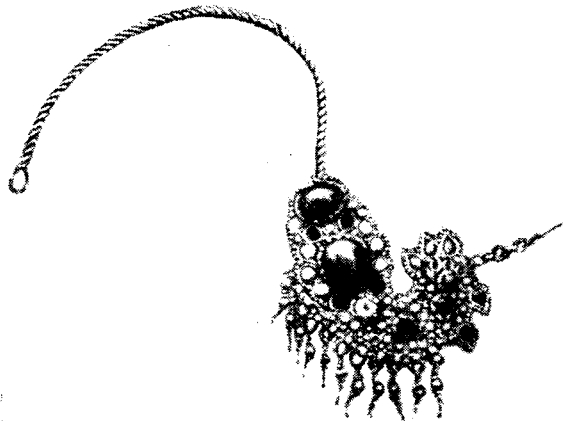

Рис. 7. Височное украшение каджак

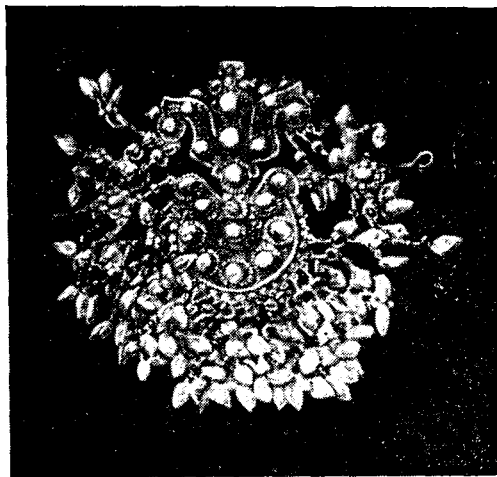

Рис. 8. Височное украшение дузи

мися с бусами. Шнуры пришивались к налобной повязке или наматывались на головной убор. Встретить этот комплекс украшений в быту нам не удалось, так как он вышел из употребления к концу XIX в.

Височные украшения. К этой группе относятся:

- 1) *каджак*, или *гаджак* (завиток) — фигурная серебряная пластина в форме завитка. Распространен каджак у узбеков городов и близлежащих районов Ташкентского, Ферганского и Заравшанского оазисов;
- 2) *дузи* — фигурная серебряная пластина с многочисленными подвесками. Распространена в Хорезме;

3) *саукелини сыргасы* (у казахов), *сойко желбурооч* (у киргизов в северных районах Киргизии), *халка* (у каракалпаков) и *адамлык* (у туркмен) — подвеска, зацеплявшаяся крючком за головной убор и спускавшаяся вдоль висков и щек.

Украшения, прикрепляемые к головному убору. Головные уборы нередко украшались серебряными пластинами, монетами, бусами, куполками. Особенно характерно это для бывших кочевников и полукочевников. Очень нарядными выглядели *саукеле* — старинные головные уборы невест и молодых у казахов. Спереди к саукеле прикреплялись подвески, нити бус и цепочки, спускавшиеся вдоль щек на плечи, а иногда узорная серебряная пластина — *мандайша*, отделанная драгоценными камнями, сзади — лента из галуна или две затылочные лопасти с узорами.

К *шоуколо* — накосным шапочкам киргизок — прикреплялись длинные лопасти, спускавшиеся по косам или вдоль щек, украшенные низками кораллов, монетами и бляшками.

Так же украшалась и *саукеле* — шлемообразная шапочка каракалпачек.

Отделкой девичьих тюбетеек повсеместно служили монеты, иногда в сочетании (что характерно для туркменок) с купольными навершиями — *кубна*.

Украшения, прикрепляемые к головному убору, подразделяются на два типа:

- 1) ювелирные изделия, пришивавшиеся к головному убору;
- 2) булавки и заколки, скреплявшие платок, наброшенный поверх головного убора. Эти пользовались, например, таджички, туркменки и оседлые узбекки.

Накосные украшения вплетались в косы либо прикреплялись к ним. Среди них можно выделить несколько типов.

1. *Найча, гуломи* — серебряные трубочки для волос. Из каждой трубочки выходил короткий локон волос (см. рис. 1). Таджички и оседлые узбекки надевали две-три пары таких украшений.

2. Черные шнуры с кистями, заканчивавшимися серебряными трубочками или куполками. У таджиков и узбеков земледельческих районов трубочки и куполки были без отделки, а у южных киргизов, некоторых групп каракалпаков и казахов украшались подвесками, богато инкрустированными бирюзой и кораллами.

Если прическа состояла из двух кос, шнуры с кистями вплетались в косы. Если же в прическе было много косичек, к ним прикреплялась полоска из черного бархата или сатина с кистями.

Рис. 9. Женщина в традиционных узбекских украшениях

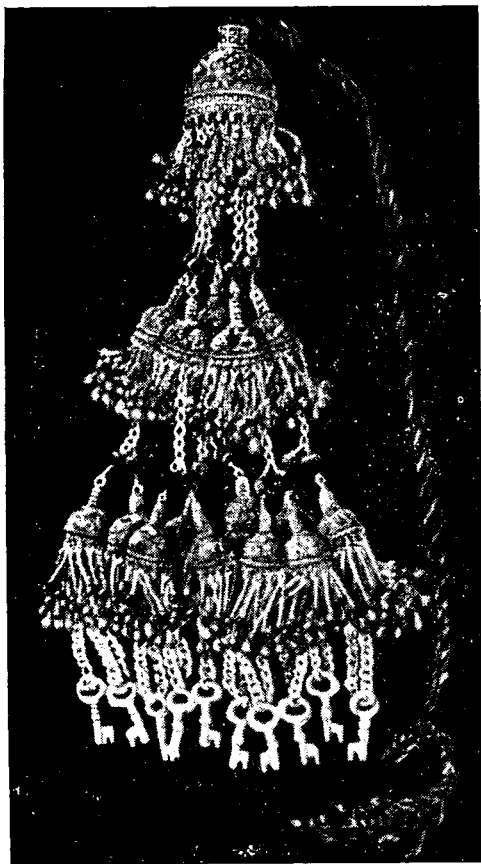

Рис. 10. Накосный шнур с подвесками

3. Черные шнуры, заканчивавшиеся шариками из бисера или канители. Шнуры были хлопчатобумажные или шелковые, их называли *джамалак*, *шамаля*, *пупак* (*чач пупук*) и т. п. Они бытовали сначала у оседлых жителей, затем распространились также среди полукочевых узбеков, где получили название *чач пупак*.

4. Два шнура с подвесками из вееро- и крестообразно нашитых монет, ажурных пластин с прикрепленными к ним на кольцах монетами. Шнуры вплетались в косы (в этом случае волосы заплетались в две косы). Этот тип украшений характерен для казахов, киргизов, каракалпаков, узбеков даштикипчакского происхождения и именуется *шашпау* (у казахов), *чалпу* (у казахов и киргизов).

5. Накосные шнуры с кистями, заканчивающимися декоративными ключиками, встречались главным образом у полукочевников, но их (значительно реже) носили и оседлые хорезмские узбеки.

6. Подвески в виде прорезных серебряных пластин со вставками сердолика или сплошных сердцевидных пластин с орнаментом чернью и гравировкой. Такие подвески были специальным накосным (для двух кос) украшением туркменок.

Ушные серьги — самая распространенная группа украшений Средней Азии и Казахстана. Они широко бытуют и сейчас. Можно выделить четыре основных типа ушных серег.

1. Так называемые кольцевые серьги. Наиболее распространены серьги, основой которых служит:

а) кольцо разъемное, сделано из круглой в сечении серебряной проволоки. Части его соединены крючком. Внизу к кольцу изнутри и снаружи припаяны украшения в виде треугольников или розеток, выполненных техникой филигрании, иногда в сочетании с зернью. Из серег этого подтипа в Средней Азии и Казахстане повсеместно известны так называемые кашгарские серьги — *кашгар-балдак*;

б) кольцо из серебряной, круглой в сечении проволоки с подвесками. Внутренняя часть его обычно заполнена ажурными завитками из тонкой, прямоугольной в сечении проволоки. Подвески могут быть различными: из зерни, напоминающей виноградную гроздь; из цепочек и кораллов, заканчивающихся ромбовидными, полыми листиками или плоскими пластинками; из серебряных куполов с чернью, по низу которых крепятся длинные цепочки с кораллами, и т. д. Число подвесок колеблется от трех до семи. Для Бухары были характерны серьги из такого же кольца; внутри его располагались изящные веерообразные детали из проволоки. К кольцу прикреплялись три подвески, обычно со встав-

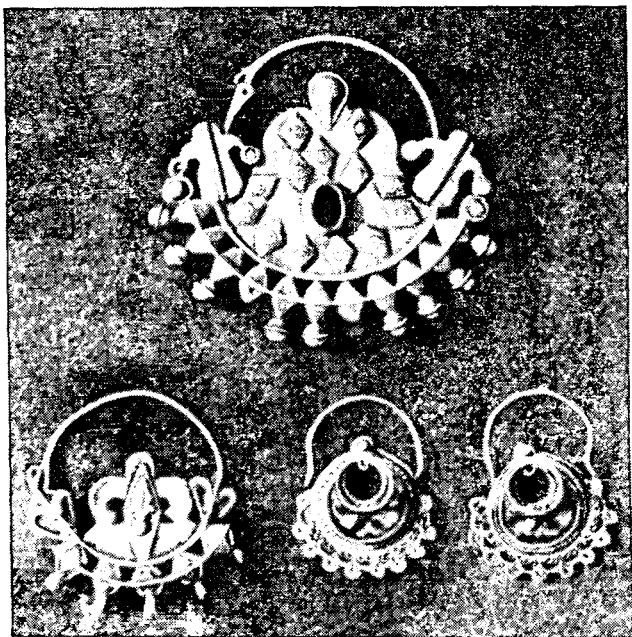

Рис. 11. Ушные серьги, основой которых служит кольцо

ками из овальных изумрудов и рубинов. Такие серьги, довольно широко бытовавшие в Средней Азии, изготовляли только в Бухаре;

в) серебряное кольцо, до половины заполненное серебряной пластиной в форме полумесяца или полукруга. Иногда к кольцу прикреплялись подвески, как правило простые, из цепочек, заканчивающихся ромбовидными пластинками. Поверхность серьги украшалась чернью, гравировкой, порой в сочетании с эмалью. Наиболее характерны для этого подтипа так называемые туркестанские серьги — *туркестан сырға*.

2. Серьги, состоящие из двух или трех подвижно соединенных круглых или овальных серебряных пластинок, в которые вставлялись камни. В нижнюю пластинку часто вставлялось стекло. К таким серьгам, вдевавшимся в ухо при помощи крючка, прикреплялись коротенькие подвески. Этот тип серег был наиболее распространен в Ташкентском и Ферганском оазисах.

Перечисленные типы и подтипы серег характерны прежде всего для оседлого населения оазисов. Но благодаря заимствованиям и торговым связям они встречались и у даштикипчакских узбеков, южных киргизов, казахов, расселенных в пограничных районах Казахстана и Узбекистана, а также у каракалпаков Ферганской долины.

3. Серьги, основу которых составляют вертикальные фигурки. Серьга вдевается в ухо при помощи крючка. Их носили и носят сейчас полукочевые узбеки, казахи, киргизы. Специфическая черта этих серег — отсутствие камней, несложный орнамент. Выделяется несколько подтипов таких серег:

а) грушевидные, полые внутри, украшены чеканным геометрическим или растительным орнаментом; на конце серьги — филигранная розетка;

б) конусообразные, полые внутри; к средней части их иногда прикреплялись подвески из цепочек и ромбовидных пластин;

Рис. 12. Ушные серьги, основу которых составляют вертикальные фигурки

в) шаровидные, полые внутри (из одного или двух шариков), с орнаментом, выполненным гравировкой и чернью;

г) сердцевидные и каплеобразные (кованые), плоские с примитивным орнаментом;

д) конусообразные, объемные (кованые), с процарапанным орнаментом.

4. Серьги из прорезных пластин, украшенные вставками сердолика и чеканкой. Они довольно массивны. Характерны главным образом для туркменов.

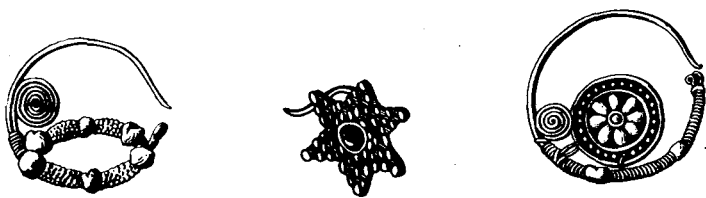

Рис. 13. Носовые серьги

Носовые серьги. Встречались у туркмен, узбеков даштикипчакского происхождения, некоторых групп таджиков, казахов и каракалпачков. В комплексе украшений оседлых таджиков и узбеков носовые серьги, как правило, отсутствовали.

Носовые серьги носили либо в крыле, либо в перегородке носа. Различаются два типа носовых серег:

1) серьга, основой которой было кольцо, отделанное снаружи спиралевидной проволокой;

2) серьга в форме звездочки; распространена в ряде районов Средней Азии. Иногда в носовые серьги вставляли бусинки. Носовые серьги называли *исырга*, *аравак*, *арабек*, *бурун серьга*. Некоторые группы таджиков и узбеков употребляли для названия носовых серег термины *лати бинни*, *латиба*.

Собственно нагрудные украшения можно разделить на три большие группы: ожерелья из металлических деталей; ожерелья из бисера и бусин; отдельные металлические предметы на цепочках — тумары или бозбанды.

Ожерелья из металлических деталей. В эту группу входит несколько типов.

1. Металлические ожерелья из полых серебряных медальонов, квадратных, прямоугольных и фигурных пластин, соединенных несколькими рядами цепочек. Поверхность медальонов или пластин украшена вставками из разноцветных стекол, чернью, гравировкой, позолотой. К этому типу ожерелий относятся *зиби-гардан*, *нози-гардан* и *хайкаль*. Они характерны для таджиков и узбеков-сартов. Подобные ожерелья известны казахам, киргизам, узбекам даштикипчакского происхождения, живущим вокруг оазисов, где эти ожерелья часто и приобретались.

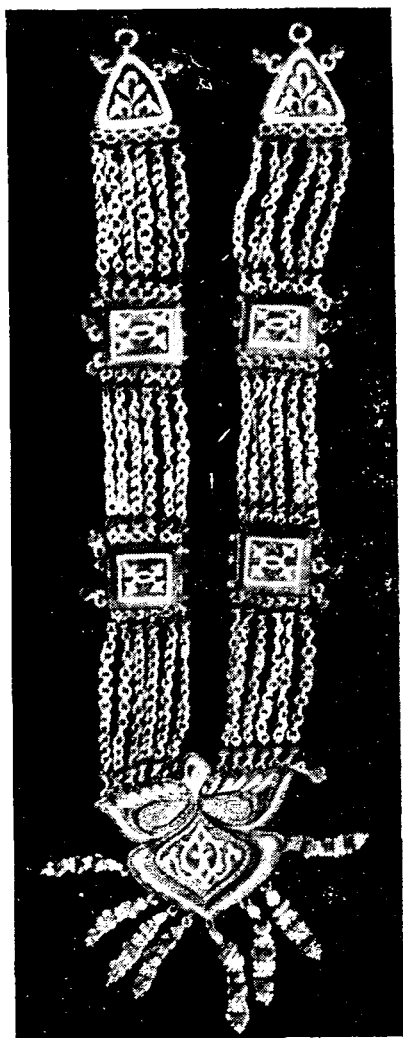

Рис. 14. Металлическое ожерелье

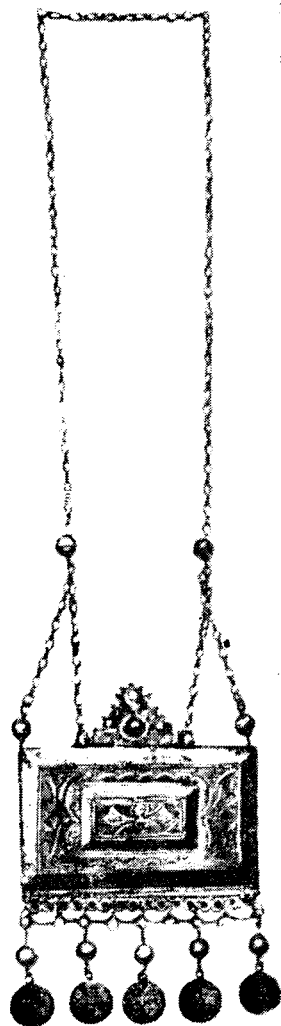

Рис. 15. Нагрудное украшение
бозбанд

2. Ожерелье *джавак* (ячмень). Оно состоит из серебряных полых бусин или ромбовидных пластинок, которые чередуются с сердоликовыми или коралловыми бусинами. К пластинам крепятся подвески из полых фигурок, напоминающих зерна ячменя (отсюда и название украшения). Джавак был распространен в Ферганской долине; реже встречался в Заравшанском и Ташкентском оазисах и в Бухаре, где он был несколько иной формы.

3. Ожерелье из нескольких рядов монет. Бытовало у узбеков и таджиков.

4. Ожерелье из фигурных пластинок с ромбовидными подвесками. Встречалось главным образом у узбеков даштикипчакского происхождения. Иногда в такое ожерелье вставляли коралловые бусины.

Ожерелья из бисера и бусин. В этой группе выделяются два типа:

1. Ожерелья из нескольких ниток кораллов (трех, четырех, пяти); коралловые бусины в сочетании с ажурными или полыми серебряными бусинами. Эти украшения характерны как для оседлого, так и для полукочевого населения, однако чаще они встречались у оседлых жителей.

2. Сетки из разноцветного бисера и низки из множества ниток бисера (желтого, красного и голубого) преобладали у узбеков даштикипчакского происхождения и таджиков некоторых горных районов. Их носили также казахи и киргизы.

Тумары или бозбанды. Это серебряные футляры прямоугольной, квадратной и цилиндрической формы, используемые обычно в качестве амулетов. С помощью цепочек их подвешивали на грудь или через плечо. Поверхности тумаров богато украшались гравировкой, чернью, позолотой, стеклом, иногда камнями. К нижнему краю их прикреплялись подвески из монет, бусин и пластинок. Эти своеобразные серебряные коробочки служили для хранения молитв и были своего рода оберегами. Нагрудные украшения этой группы встречались в Средней Азии в разных вариантах: так, например, для Хивы и ее окрестностей более характерны трубчатые тумары для Заравшанской долины — цилиндрические и квадратные, для Ферганской долины — треугольные и прямоугольные и т. д.

Способы украшения поверхности тумаров различны: позолота без каких-либо вставок (часто в орнамент вносилась арабская надпись); двухслойный орнамент с чернью, вставки мелкой бирюзы по краям тумара и крупная вставка красного граненого стекла в середине его.

Тумары были распространены в Средней Азии и Казахстане повсеместно как среди оседлого, так и среди полукочевого в прошлом населения, однако их несомненно изготовляли в городских центрах, откуда они проникали в кишлаки и аулы узбеков, казахов, киргизов и других народов Средней Азии.

Шейные украшения. Эту группу можно разделить на два типа.

1. Серебряные ожерелья-обручи, охватывающие шею и скрепляющиеся при помощи серебряного стерженька. Такие своеобразные шейные украшения, характерные только для туркмен, называют *буков*.

2. Лента из разноцветного бисера, составляющего определенный геометрический рисунок, плотно охватывающая шею. Ожерелье такого типа широко распространено среди всех народов Средней Азии и везде называется примерно одинаково: *хапобанд*, *хавобанд*.

К шейным и наплечным украшениям относятся и различные ювелирные изделия, которые пришивались или пристегивались к наплечной одежде — платью, халату, камзолу. Попытаемся выявить их основные типы.

1. Брошь *фибула* для застегивания ворота платья. Распространена по всей Средней Азии и в Казахстане, но у каждого народа имеет свои особенности. Можно выделить четыре основных подтипа таких брошей:

Рис. 16. Браслеты

а) таджикские броши. Они представляют собой ажурные или сплошные круглые серебряные пластины небольших размеров с чернью и гравировкой на поверхности, иногда с овальным или круглым камнем, вставленным посередине. Такая брошь у таджиков называется *садаф*, у припамирцев — *чима*;

б) казахские броши. Это круглая сплошная серебряная пластина значительно больших размеров, украшенная чеканным или штампованным узором;

в) киргизская брошь *тооноч*. По форме она отличается от двух описанных выше подтипов. В середине серебряной пластины вырезается круглое отверстие. Поперек отверстия укрепляется игла, которая служит для прикрепления броши к одежде;

г) туркменская брошь *гульяка*. Эта брошь наиболее сложна по технике изготовления. Она часто украшается прорезью, многочисленными вставками из сердолика. В отличие от перечисленных выше подтипов, которые теперь бытуют в весьма незначительной степени, гульяка и сейчас популярна среди различных туркменских групп, где она встречается в нескольких разновидностях.

2. Украшения, нашиваемые на платья и халаты (бляшки из серебра, штампованные пластины, монеты и бусины). Заметим, что одежда полукочевой группы населения Средней Азии была обильно украшена всякого рода изделиями из пластин и монет. У жителей городов и оседлых земледельцев подобные украшения встречались значительно реже. Украшения этого типа у разных народов отличаются по форме и штампованному орнаменту на бляшках. Различны были также способы и манера отделки наплечной одежды. Так, например, у таджиков и юго-восточных групп туркмен нашивные пластины *ситора* для одежды более мелкие и тонкие, чем у других народов. У казахов же и киргизов вместо пластин чаще применялись монеты, круглые пластинки *тана*. Для туркмен и киргизов характерна также отделка одежды бубенцами. В большом ходу у казахов, киргизов и каракалпаков были различные полые и кованые пуговицы. У них же часто встречались застежки-пряжки *капсырма* филигранной работы или сплошные, которыми скреплялись полы камзола.

3. Особый тип нашивных украшений — треугольные тумары и цилиндрические бозбанды, часто филигранной работы. Обычно они играли роль оберегов. Эти украшения бытовали у узбеков-сартов и таджиков. Бозбандами называются также круглые массивные бляхи с встав-

кой сердолика, которые нашивали на плечи халатов у туркмен. Различные куполообразные подвески с когтями филина характерны для жителей городов и земледельческих районов.

Украшения, которыми отделывались пояса

Можно выделить две группы таких украшений.

1. Фигурные бляхи, выполненные техникой филиграна, со вставками шлифованной мелкой бирюзы, похожими на перегородчатую эмаль, а также сплошные пластины и пряжки для поясов с чернью и гравировкой. Встречаются они главным образом у жителей городов и оседлых земледельцев.

2. Фигурные резные бляхи из сплошной пластины серебра, отделанные орнаментом, нанесенным чернью, гравировкой или аппликацией другими металлами. Они более массивны, чем бляхи предыдущей группы. Пояса с такими украшениями носили казахи, киргизы, каракалпаки и туркмены.

Украшения для рук и ног

Браслеты. В этой группе можно выделить несколько типов:

1) браслеты, застегивающиеся при помощи серебряного стержня, филигранные, прорезные или сплошные широкие, отделанные чернью, гравировкой и вставками из камней (бирюза);

2) браслеты несомкнутые, плоские, украшенные чернью, чеканкой, гравировкой и вставками из бирюзы;

3) браслеты несомкнутые (концы могут быть разной формы), круглые в сечении, с примитивным орнаментом, иногда украшенные камнями (сердолик, бирюза);

4) браслеты несомкнутые, массивные, широкие, состоящие из двух-трех рядов (как бы спаянных друг с другом браслетов).

Кольца. Бытовали кольца с напаянными монетами или пластинами разной формы, украшенными примитивным орнаментом или вставками из камней.

Оригинально туркменское украшение из пяти колец, соединенных цепочками с браслетами четвертого типа. Этот вид украшений очень слабо изучен. Подобные сочетания браслетов и колец бытовали также у казахов, соседствующих с туркменами.

Браслеты для ног зафиксированы лишь у туркмен, носят их только дети.

TYPES OF FEMALE JEWELRY ORNAMENTS AMONG THE PEOPLES OF MIDDLE ASIA AND KAZAKHSTAN

The article deals with female jewelry that was prevalent in Middle Asia and Kazakhstan at the close of the XIXth and the beginning of the XXth centuries. The author distinguishes and describes four main types of female jewelry ornaments: 1) ornaments worn on the head (on the forehead; on the temples; ear-rings; nose-rings); 2) ornaments for the breast and neck (worn over the neck; on dresses supported by the shoulders; on the breast); 3) belts; 4) rings and bracelets.

These main types are subdivided into groups, then into narrower types and sub-types.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ УЗБЕКОВ ДАШТИКИПЧАКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ¹

(Обзор литературы)

В конце XIX — начале XX вв. в составе узбекского народа довольно четко выделялась особенностями языка и быта группа так называемых полукочевых узбеков, потомков узбекских племен, пришедших в Среднюю Азию из степей Дашти-Кипчака в основном в связи с завоеванием Мавераннахра Шейбани-ханом (XVI в.) и последующим установлением там власти узбекских династий (XVI—XVIII вв.)².

Придя в Среднюю Азию, узбекские племена расселялись в пределах Мавераннахра отдельными племенными группами и, постепенно сливаясь с издавна сложившимся здесь тюркоязычным населением, явились, по выражению А. Ю. Якубовского, «последним слагаемым» в этногенезе узбекского народа, которому они впоследствии дали свое имя. Исследователи XIX в. насчитывали от 92 до 102 узбекских племен.

В ряде местностей в быту этой группы узбеков до недавнего времени сохранялись элементы полукочевого образа жизни, поэтому в научной литературе было принято называть их полукочевыми узбеками, узбеками даштикипчакского происхождения, а также узбеками с родоплеменным делением. В местах довольно компактного расселения полукочевых в прошлом узбеков (особенно в Самаркандской и Сурхан-Дарьинской областях Узбекистана и в южном Таджикистане) и в наши дни можно проследить в их языке, культуре и быте особенности, говорящие о былом кочевом и полукочевом образе жизни.

Первые литературные сведения об узбеках даштикипчакского происхождения появляются к концу XVIII в.³ В связи с экономическим подъемом, вызванным политикой Петра I, Россия в этот период ощущала потребность в новых источниках сырья и новых рынках сбыта для своих товаров. Следствием этого явились дипломатические и торговые миссии в соседние страны. Средняя Азия и Казахстан не были оставлены без внимания. Туда посылаются различные миссии, организуется ряд экспедиций. Изучением Средней Азии в это время занимались лица, находившиеся на военной и государственной службе. Как правило, это были образованные люди, интересовавшиеся

¹ В работе речь идет об узбеках даштикипчакского происхождения, пришедших в Среднюю Азию в конце XV — начале XVI вв.

² Литературу о полукочевых узбеках см. «История Узбекской ССР», кн. 1, т. 1, Ташкент, 1955; «Народы Средней Азии и Казахстана», т. 1 (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1962; А. Ю. Якубовский, К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1941; А. А. Семенов, К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана, «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии», вып. I, Труды АН ТаджССР, том XII, Сталинабад, 1954; Р. Г. Мукминова, К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI века, «Изв. АН УзССР», Ташкент, 1954, № 1, стр. 70—81.

³ Ф. Ефремов, Десятилетнее странствование, М., 1950; Хрисанф, митрополит Новоатратский, о странах Средней Азии, посещенных им в 1790 годах. С введением и объяснениями В. В. Григорьева. «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», Повременное издание, 1861, январь — март.

ся не только военными или экономическими вопросами, но также историей и этнографией народов, с которыми им приходилось сталкиваться. Публикации этого времени носят названия — «Путешествия...» или «Описания...» и основаны на личных наблюдениях и сведениях, полученных от местного населения. Поэтому труды эти являются для нас первоисточниками.

Среди русских исследователей первой половины XIX в. прежде всего можно назвать Н. Муравьева⁴, Н. В. Ханыкова⁵, Г. И. Данилевского⁶.

Николай Муравьев, капитан Генерального штаба царской армии, выполняя военно-дипломатическое поручение правительства, в 1819—1820 гг. ездил в Хиву для переговоров с ханом. Тридцать лет спустя подполковник Г. И. Данилевский побывал в Хиве в составе русской дипломатической миссии. Н. Муравьев и Г. И. Данилевский в главах своих трудов, посвященных описанию населения Хивинского ханства, приводят некоторые данные по материальной культуре полукучевых узбеков, указывают их расселение.

В связи с описанием переносного жилища — юрты Н. Муравьев отмечал, что у некоторых зажиточных узбеков появляются глинобитные дома, хотя основная часть узбеков продолжает жить в юртах⁷.

Процесс оседания узбеков в Хивинском ханстве продолжался; несколько десятилетий спустя большинство их уже перешло к занятию земледелием и к оседлости. По замечанию Г. И. Данилевского, лишь немногие узбеки вели кочевую жизнь⁸.

Почти в это же время (1841—1842 гг.) совершает свою поездку, но уже в Бухарское ханство, русский ученый-востоковед Н. В. Ханыков, посетивший Бухару в составе известной русской экспедиции, возглавлявшейся инженером Бутеневым. В своем ценном труде Н. В. Ханыков приводит список 97 узбекских племен, пришедших в Бухару с Шейбани-ханом, и дает сведения о расселении 28 узбекских племен в Бухарском ханстве⁹. Не углубляясь в вопрос о происхождении полукучевых узбеков, он, однако, делится своими наблюдениями о сходном антропологическом типе полукучевых узбеков с казахами и монголами¹⁰. Кроме того, Н. В. Ханыков сообщает некоторые данные о материальной культуре полукучевых узбеков, как и предыдущие авторы, не выделяя специфических черт культуры каждого из племен.

Англичанин А. Борнс, в 1831—1833 гг. посетивший Бухару по поручению Ост-Индской компании, оставил интересное описание своего путешествия¹¹. А. Борнс уделяет большое внимание вопросам расселения узбекских племен, в частности в Афганском Туркестане.

В 1860-х годах венгерский востоковед Г. Вамбери совершает путешествие из Персии в Хиву и Бухару. Благодаря хорошему знанию тюркских языков Г. Вамбери удалось собрать некоторые материалы по истории и этнографии среднеазиатских ханств¹². Работы его представляют для нас значительный интерес. Вслед за Н. В. Ханыковым Вамбери высказывает мнение о тюрко-монгольском происхождении полукучевых узбеков и в доказательство приводит именной список 32 узбекских племен, особо отмечая их монгольские названия¹³. Г. Вамбери ставит вопрос о происхождении этнонима «узбек», считая, что это название связано с именем золотоордынского хана Узбека и является скорее политическим, собирательным, а не этническим термином.

В середине XIX в., в период, непосредственно предшествовавший присоединению Средней Азии к России, появляется все больше этнографических сведений о полукучевых узбеках. Кроме некоторых сведений о материальной и духовной культуре, в работах исследователей указанного периода приведены списки узбекских племен и данные об их расселении, данные, свидетельствующие о процессе оседания полукучевых узбеков. В литературе снова поднимается вопрос о происхождении этнонима «узбек» и самого узбекского народа. Однако в это время не появилось ни одной работы, специально посвященной происхождению полукучевых узбеков. Описание их материальной и духовной культуры довольно поверхностно, вопросы истории и этногенеза узбеков только затрагиваются. Существенный недостаток всех работ указанного вре-

⁴ Н. Муравьев, Путешествие в Туркмению и Хиву, ч. 1 и 2, М., 1822.

⁵ Н. В. Ханыков, Описание Бухарского ханства, СПб., 1843.

⁶ Г. И. Данилевский, Описание Хивинского ханства, «Зап. Русск. геогр. о-ва», (ЗРГО), кн. V, СПб., 1851.

⁷ Н. Муравьев, Указ. раб., стр. 128—129.

⁸ Г. И. Данилевский, Указ. раб., стр. 92.

⁹ Н. В. Ханыков, Указ. раб. стр. 58—56.

¹⁰ Там же, стр. 66.

¹¹ А. Борнс, Путешествие в Бухару лейтенанта Ост-Индской Компании А. Борнса, М., 1848.

¹² Г. Вамбери, Путешествие по Средней Азии в 1863 г., СПб., 1865; его же. История Бохары и Трансоксании с древнейших времен до настоящего, т. I и II, СПб., 1873.

¹³ Г. Вамбери, История Бохары и Трансоксании, т. I, стр. 2, Примеч. 1.

мени в том, что никто из исследователей, описывая полукочевых узбеков, не отмечает их племенных особенностей, которые в то время, несомненно, ярко проявлялись. Авторы обращают внимание лишь на общие элементы культуры, характерные для узбеков даштикипчакского происхождения.

С конца 1860-х годов начинается всестороннее изучение Средней Азии — ее природы, истории, этнографии. В это время в качестве исследователей выступают не только военные или административные лица. Организуются экспедиции с научными целями, появляется плеяда замечательных русских ученых, специально занимающихся вопросами истории, географии и этнографии Средней Азии.

Наступает значительный перелом в этнографическом изучении полукочевых узбеков. Это объясняется прежде всего тем, что после присоединения Средней Азии к России появилась возможность свободно посещать все ее области и беспрепятственно изучать и наблюдать местное население. Среди исследователей этого времени следует прежде всего назвать известного востоковеда В. В. Радлова, который одним из первых ученых имел возможность осуществлять этнографические наблюдения в Средней Азии. Труд В. В. Радлова содержит много этнографических сведений о полукочевых узбеках Зеравшанской долины¹⁴.

Особо следует отметить деятельность А. Д. Гребенкина, автора статьи «Узбеки»¹⁵, которая в дореволюционной этнографической литературе является единственной, специально посвященной даштикипчакским узбекам Зеравшанской долины. Статья А. Д. Гребенкина очень ценна еще и в силу того, что представляет собой блестящее для своего времени этнографическое описание обследованных им узбекских племен Зеравшанской долины. Приходится сожалеть, что А. Д. Гребенкин имел возможность изучить узбеков только Зеравшанского округа. В своей работе он приводит легенды о происхождении узбеков, данные об их родоплеменном делении, исторические сведения, сведения о языке и антропологическом типе, заметки об этнографических особенностях и численности каждого из племен. Подробно освещается расселение узбекских племен Зеравшанской долины. Касаясь происхождения этнонима «узбек», А. Д. Гребенкин ограничивается приведением народной этимологии и, не считая себя специалистом, не углубляется в этот вопрос.

Об узбеках Зеравшанской долины в то же время, что и А. Д. Гребенкин, писали Л. Н. Соболев¹⁶, а несколько позднее А. Н. Хорошхин¹⁷, Н. Ф. Ситняковский¹⁸. Всех названных авторов интересовал вопрос о численности и расселении узбекских племен, а также проблемы их происхождения.

Ценные описания хозяйства, материальной и духовной культуры полукочевых узбеков Зеравшанской долины мы черпаем из работы Л. Н. Соболева¹⁹. Его труд, хотя и не посвящен специально этнографии и истории узбеков, замечателен содержащимися в нем списками населенных мест, где, кроме сведений о количестве дворов и земли у каждого кишлака, приводится национальный и родоплеменный состав населения, а также краткие этнографические данные о жителях этих селений.

А. Н. Хорошхин первым среди исследователей этого времени обратил внимание на тот факт, что жители ряда селений (Фариш, Асраф, Сентап) северного склопа Нуратинского хребта говорят на таджикском языке, но называют себя узбеками и даже относят себя к определенному узбекским родам²⁰. Это очень важный для этнографии узбеков факт, свидетельствующий о начавшемся вероятно уже давно процессе слияния местного таджикского населения с пришлыми узбекскими племенами.

Проблема оседания полукочевых узбеков в новых природных условиях земледельческих районов Средней Азии привлекала внимание исследователей и этого времени. А. Н. Хорошхин сообщает, что основное занятие узбеков Бухарского ханства — скотоводство, но они уже начинают заниматься земледелием, переходя к оседлости²¹. Тот же процесс шел и среди узбеков Хивинского ханства, но, видимо, быстрее, так как А. В. Каульбарс, писавший в одно время с А. Н. Хорошхиным, сообщал, что узбеки стали разводить там сады и их селения почти не отличаются от других среднеази-

¹⁴ В. В. Радлов, Средняя Зеравшанская долина, «Зап. РГО по отд. этнографии», т. VI, СПб., 1880.

¹⁵ А. Д. Гребенкин, Узбеки, «Русский Туркестан», Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки, вып. 2, М., 1872, стр. 51—109.

¹⁶ Л. Н. Соболев, Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа, «Записки РГО по отд. статистики», 1874, т. 4.

¹⁷ А. Н. Хорошхин, Сборник статей, касающихся Туркестанского края, СПб., 1876.

¹⁸ Н. Ф. Ситняковский, Заметки о Бухарской части долины Зеравшана, «Изв. РГО», т. I, вып. 2, СПб., 1899.

¹⁹ Л. Н. Соболев, Указ. раб.

²⁰ А. Н. Хорошхин, Указ. раб., стр. 487.

²¹ Там же, стр. 514.

атских кишлаков²². Сложный процесс оседания шел все же довольно медленно, хотя узбеки попали в совершенно другие географические условия, в местность, где нет обширных степных территорий, подобно степям Дашти-Кипчака, пригодных для выпаса скота, а окружающее население издревле было земледельческим. Переселившись в эти места в начале XVI в., они еще в середине XIX в. продолжали вести полукочевой образ жизни, занимаясь, наряду с земледелием, и скотоводством, сохраняли свое родоплеменное деление, свои этнографические черты. Особенно это относится к узбекам Бухарского ханства. Такой длительный и сложный процесс изменения их хозяйственного уклада и образа жизни объясняется прежде всего низким уровнем экономического развития ханств, преобладанием характерного для феодального строя полунатурального хозяйства, слабым развитием товарно-денежных отношений и вследствие всего этого чрезвычайно медленным разложением патриархальных отношений среди бывших кочевников и полукочевников.

Проблема происхождения узбеков также продолжает занимать исследователей этого периода. В связи с этим необходимо назвать Н. А. Аристову²³, в известном труде которого содержатся подробные сведения о родоплеменном делении тюрко-язычных народов Средней Азии. Н. А. Аристов на основании литературных данных поднимает вопрос о происхождении узбеков и, подобно более ранним авторам, связывает термин «узбек» с именем Узбек-хана золотоордынского. По этому вопросу выступил также историк Н. И. Веселовский, высказавший другую точку зрения — о том, что термин «узбек» может быть объяснен на основе народной этимологии — «уз» и «бек», т. е. сам себе господин²⁴. Приводя сравнительную таблицу названий узбекских племен Хивинского ханства и сопоставляя родоплеменные названия казахов и узбеков, Н. И. Веселовский приходит к выводу о родстве этих двух народов²⁵. Ту же мысль высказал и А. Н. Хорошин относительно узбеков Бухарского ханства²⁶.

Надо отметить работы исследователей конца XIX в. — Е. Д. Килевейна²⁷, упоминавшегося уже А. В. Каульбарса, писавших об узбеках Хивинского ханства, труды В. П. и М. В. Наливкиных²⁸, А. И. Федченко²⁹, изучавших узбеков Кокандского ханства.

Следует упомянуть в этом кратком обзоре исследователей Восточной Бухары Н. Маева³⁰ и М. А. Варыгина³¹. Первый был в Гиссаре в 1870 гг., второй — в 1905 г. В своих интересных очерках они касаются вопросов расселения, хозяйства, поселений и жилищ в исследованных ранее областях — Гиссара и Куляба.

Таким образом, со второй половины XIX до начала XX в. в России появляется все больше работ, в которых так или иначе отражены вопросы истории, культуры и быта полукочевых узбеков. Авторов этого времени занимали проблемы оседания, происхождения дашгикипчакских узбеков, а также их антропологические и этнографические особенности. Однако из-за ограниченности материала, который в основном собирался в связи с другими вопросами, в частности — с географическими и экономическими, этнографические проблемы Средней Азии в дореволюционное время все же не получили должного освещения. Кроме очерка А. Д. Гребенкина, нет ни одной работы, специально посвященной этнографии полукочевых узбеков.

Значительный перелом в этнографическом изучении народов Средней Азии наступил после Великой Октябрьской социалистической революции. Советская этнографическая наука стала на путь последовательного историзма, на путь историко-материалистического объяснения явлений. Этнографы поставили перед собой задачу изучения особенностей хозяйства, общественного уклада и культуры народов нашей многонациональной страны. Необходимо было изучать этнографию формирующихся социалистических наций, этнические процессы, протекающие среди недавно обособленных этнографических групп. С. П. Толстов характеризует 1920-е годы в истории советской этно-

²² А. В. Каульбарс, Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 году, «Зап. РГО по отд. общей географии», т. IX, СПб., 1881, стр. 500.

²³ Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, «Живая старина», вып. III—IV, 1896.

²⁴ Н. И. Веселовский, Очерк историко-этнографических сведений о Хивинском ханстве с древнейших времен до настоящего, СПб., 1877, стр. 91.

²⁵ Там же, стр. 92.

²⁶ А. Н. Хорошин, Указ. раб., стр. 497.

²⁷ Е. Д. Килевейн, Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сеид-Мохаммед-хана 1856—1860 гг. «ЗРГО», 1861, кн. I, вып. V.

²⁸ В. П. Наливкин, Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886.

²⁹ А. И. Федченко, В Кокандском ханстве, «Изв. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. IX, вып. 7, 1875.

³⁰ Н. Маев, Очерки Гиссарского края, газ. «Туркестанские ведомости», №№ 2—7, 9—14, 17.

³¹ М. А. Варыгин, Опыт описания Кулябского бекства, «Изв. РГО», вып. X, Петроград, 1916.

графии как «период накопления сил и материалов и разрешения первоочередных задач, связанных с хозяйственным и культурным строительством народов СССР»³².

В 1920-е годы, в Средней Азии была проведена огромная работа по переписи ее населения³³ в связи с подготовкой национального размежевания. Несколько позднее, в 1924 году изучались этнографические особенности и частично проводилась выборочная перепись населения бывших Бухарского и Хивинского ханств в связи с районированием. Переписи населения в Средней Азии были проведены впервые. В это время получены ценные материалы по этнографии полукочевых узбеков. Здесь необходимо отметить работу И. П. Магидовича³⁴, который, будучи активным участником и организатором переписи, дал этнографические и исторические материалы об узбеках с родоплеменным делением и подробно осветил расселение родоплеменных групп. Отметив близость антропологического типа узбеков и казахов, И. П. Магидович дал краткую этнографическую характеристику каждого из обследованных им узбекских племен, широко привлекая литературные данные, в частности, работу А. Д. Гребенкина. В это же время интенсивно и плодотворно работали известные ученые, посвятившие свою жизнь изучению истории и этнографии Средней Азии, М. С. Андреев³⁵ и А. А. Семенов³⁶. Им принадлежит ряд ценных исследований о народах Средней Азии, где значительное место отводится узбекам даштикипчакского происхождения.

В 1930-е гг. вышли в свет небольшие, но очень ценные работы И. И. Зарубина, который, будучи членом Комиссии по изучению племенного состава населения СССР, частично опубликовал материалы комиссии³⁷. В это же время вышло учебное пособие по географии Таджикистана Н. Г. Маллицкого, в котором автор на основании личных наблюдений довольно подробно характеризует узбеков с родоплеменным делением, живущих в южном Таджикистане³⁸.

Вопросы этногенеза, изучение в связи с этим этнографических особенностей отдельных родоплеменных групп и, с другой стороны, взаимовлияний народов Средней Азии, исследование их современной культуры и быта, процессов консолидации узбеков в единую социалистическую нацию — вот основные проблемы, разрабатываемые советскими учеными, занимающимися этнографией народов Средней Азии и, в частности, этнографией узбеков даштикипчакского происхождения. В этой области значительны работы М. Ф. Гаврилова³⁹, Л. П. Потапова⁴⁰, В. Г. Мошковой, К. Л. Задыхиной, Б. Х. Кармышевой. Некоторые сведения по истории и расселению узбеков Дашти-Кипчака имеются в трудах Я. Г. Гулимова⁴¹, Ш. И. Иногамова⁴² и Б. В. Андрианова⁴³.

В ряду этих исследований надо отметить статью Л. П. Потапова «Древний быт, отражающий первобытнообщинный быт кочевников». Две другие его статьи по-

³² С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Сов. этнография», 1947, № 4, стр. 12; см. его же, Этнография и современность, «Сов. этнография», 1947, № 3; его же, Сорок лет советской этнографии, «Сов. этнография», 1957, № 5.

³³ «Материалы Всероссийских переписей 1920 года. Перепись населения Туркестанской республики», вып. I — Поселенные итоги; вып. V — Поселенные итоги Самаркандской области, Ташкент, 1926; «Список населенных мест Узбекской ССР и Таджикской ССР», Самарканд, 1923; «Материалы по районированию Средней Азии. Территория и население Бухары и Хорезма», ч. I — Бухара, Ташкент, 1926; ч. II — Хорезм, Ташкент, 1926; см. также «Современный кишлак Средней Азии», вып. III, кн. I — Китабская волость, Ташкент, 1926.

³⁴ «Материалы по районированию Средней Азии», гл. «Население».

³⁵ М. С. Андреев, Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 году, «Изв. Туркестанского отд. РГО», т. 17, Ташкент, 1924.

³⁶ А. А. Семенов, Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза, М., 1903.

³⁷ И. И. Зарубин, Население Самаркандской области, его численность, этнографический состав и территориальное распределение, Л., 1926; его же, Список народностей Туркестанского края, Л., 1925.

³⁸ Н. Г. Маллицкий, Учебное пособие по географии Таджикистана, Ташкент — Самарканд, 1929.

³⁹ М. Ф. Гаврилов, Остатки ясы и юсуни у узбеков. Материалы к этнографии «тюрок» Урал-Тюбинского района, Ташкент, 1929; его же, Ткацкое искусство узбекской женщины, «Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1927, № 1—2.

⁴⁰ См., например: Л. П. Потапов, Древний быт, отражающий первобытнообщинный быт кочевников, «Тюркологический сборник», т. 1, М., 1951.

⁴¹ Я. Г. Гулимов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957.

⁴² Ш. И. Иногамов, Этнический состав населения и этнографическая карта Ферганской долины в границах Узбекской ССР, Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1955.

⁴³ Б. В. Андрианов, Этническая территория каракалпаков в северном Хорезме (XVIII—XIX вв.), Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. III, М., 1958.

связаны семейно-родовому строю узбеков-кунгратов Сурхан-Дарьи и некоторым этно-генетическим вопросам, связанным с народными приметами и поверьями⁴⁴.

В. Г. Мошкова в своей небольшой по объему, но весьма содержательной работе⁴⁵ показала важное значение материала о родоплеменной структуре для разрешения проблемы происхождения народов Средней Азии и Казахстана. Проанализировав родоплеменную структуру нуратинских туркмен, В. Г. Мошкова обнаружила, что их родовые и племенные названия в большинстве совпадают с такими же названиями узбеков Мавараннахра и Хорезма.

Работы К. Л. Задыхиной по этнографии полукучевых в прошлом узбеков Хорезма выполнены по полевым материалам, собранным руководимым ею отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Одна из них представляет собой историко-этнографическое описание узбеков дельты Аму-Дарьи, другая посвящена исследованию этнографических групп канглы и кипчак Кипчакского района Кара-Калпакской АССР⁴⁶. В этих работах нашли отражение хозяйство, материальная культура и семейные отношения узбекского сельского населения северного Хорезма. Большим достоинством работ является описание социалистической культуры и быта, преобразования хозяйства узбеков в советское время. В работах К. Л. Задыхиной, однако, почти отсутствуют аналогии с другими группами даштикипчакских узбеков, живущих в Узбекистане и южном Таджикистане.

Весьма ценны исследования в области этнографии полукучевых в прошлом узбеков, проведенные Б. Х. Кармышевой. Ряд ее работ посвящен вопросам этногенеза, истории хозяйства и материальной культуры одного из наиболее многочисленных узбекских племен южного Таджикистана — локайцев, которые в этнографическом отношении ранее совершенно не изучались⁴⁷. Другие работы Б. Х. Кармышевой посвящены этническим процессам, протекающим среди населения южного Узбекистана и Таджикистана⁴⁸.

В последнее время все больше внимания уделяется изучению отдельных этнографических групп узбеков, в прошлом сохранявших родоплеменное деление. Так, недавно К. Шаниязовым написана и защищена диссертация об узбеках-карлуках⁴⁹. Узбекам-курама посвящено несколько исследований Т. Файзиева⁵⁰.

В обзоре литературы советского периода необходимо отметить и работы по вопросам истории полукучевых узбеков, прежде всего книгу «История Узбекской ССР»⁵¹. Видные советские востоковеды А. Ю. Якубовский⁵², А. А. Семенов⁵³, П. П. Иванов⁵⁴,

⁴⁴ Л. П. Потапов, Указ. раб.; его же, Материалы по семейно-родовому строю узбеков-кунграт, «Научная мысль», № 1, Ташкент, 1930; его же, Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков, «Краткие сообщения Ин-та этнографии» (КСИЭ), т. XXX, 1958.

⁴⁵ В. Г. Мошкова, Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпаков и туркмен, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН УзССР, т. II, Ташкент, 1955, стр. 25.

⁴⁶ К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Аму-Дарьи, Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952; ее же, Культура и быт узбеков Кипчакского района Кара-Калпакской АССР, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1958.

⁴⁷ Б. Х. Кармышева, Узбеки-локайцы южного Таджикистана, Тр. АН Тадж. ССР, т. 28, Сталинабад, 1954.

⁴⁸ Б. Х. Кармышева, Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков, «Сов. этнография», 1952, № 4; ее же, Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашка-Дарьинской области УзССР, КСИЭ, XXXIII, 1960; ее же, Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана, КСИЭ, XXVII, 1957; ее же, Сведения об узбекских родах семиз и кесамир, «Сборник по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова», Сталинабад, 1953, и др.

⁴⁹ К. Шаниязов, Историко-этнографический очерк карлуков южных и западных районов Узбекистана, Автореф. дис., Л., 1960; его же, Из истории расселения племени карлуков, «Сборник работ аспирантов АН УзССР», Отд. общественных наук, вып. 2, Ташкент, 1958.

⁵⁰ Т. Файзиев, Узбеки-курама (в прошлом и настоящем), Автореф. дис., Ташкент, 1963; его же, Родоплеменной состав узбеков-кураминцев, «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1963, № 11.

⁵¹ «История народов Узбекистана», т. 2, Ташкент, 1947; «История Узбекской ССР», т. I, кн. I, Ташкент, 1955, гл. XII.

⁵² А. Ю. Якубовский, Указ. раб.; Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, Золотая орда и ее падение, М.—Л., 1950.

⁵³ А. А. Семенов, К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана.

⁵⁴ П. П. Иванов, Очерки истории Средней Азии, М., 1958; его же, Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве в 1821—1825 гг., Труды Ин-та востоковедения АН СССР, т. 28, М.—Л., 1937.

С. П. Толстов⁵⁵ много внимания уделяют истории узбеков даштикипчакского происхождения и их месту в этногенезе узбекского народа. Историки Узбекистана Р. Г. Мукминова⁵⁶ и О. Д. Чехович⁵⁷ посвятили несколько своих работ вопросам происхождения и переселения узбеков в Мавераннахр в начале XVI в. Большой интерес для нашей темы представляет первая глава (особенно ее третий раздел — о происхождении узбеков) обстоятельного труда М. Вахабова об узбекской социалистической нации⁵⁸.

Обобщением всех наших знаний по рассматриваемой проблеме явились соответствующие разделы статьи «Узбеки» капитального коллективного труда «Народы Средней Азии и Казахстана»⁵⁹.

Что касается антропологии, то в дореволюционной литературе отсутствуют исследования, относящиеся к интересующим нас группам узбеков, и только советские антропологи В. Я. Зезенкова, Л. В. Ошанин⁶⁰ и К. Наджимов⁶¹ в своих исследованиях касаются вопросов антропологии узбеков даштикипчакского происхождения. Антропологические материалы подтверждают выводы этнографов о происхождении отдельных групп узбеков. Но Л. В. Ошанин и К. Наджимов изучали численно очень небольшие узбекские группы, поэтому антропология даштикипчакских узбеков еще ждет своего исследователя.

Таким образом, в советское время вопросы истории и этнографии полукучевых узбеков были в значительной степени разработаны. Однако и в настоящее время ряд проблем, связанных с этногенезом узбеков, а также с их антропологическими и этнографическими особенностями, еще требует пристального внимания.

Среднеазиатская этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР в течение ряда лет проводит сплошное этнографическое обследование южных районов Таджикистана и Самаркандской области Уз.ССР, где полукучевые в прошлом узбеки составляют значительную часть населения. В этом же направлении проводилась работа Я. Р. Винниковым по Чарджоуской области Туркмении, где наряду с туркменами, живут и даштикипчакские узбеки⁶². Однако довольно большие группы узбеков еще не подверглись этнографическому изучению.

И, наконец, важнейшей задачей является исследование тех изменений, которые произошли в быту бывших полукучевников-узбеков в результате победы социалистического строительства в нашей стране.

Зеравшанский отряд Среднеазиатской экспедиции Института этнографии под руководством Б. Х. Кармышевой в течение нескольких полевых сезонов занимался изучением современной культуры и быта сельского населения Пастдаргомского района Самаркандской области, в составе населения которого имеются и узбеки, до недавнего времени сохранявшие свое родоплеменное деление⁶³. Этими же вопросами занималась и автор настоящего обзора в южном Таджикистане, где расположен большой животноводческий совхоз им. Калинина; там работает много узбеков-дурменов⁶⁴. Собранные материалы показали, какие огромные изменения произошли в хозяйстве, культуре и быту в прошлом отсталых, ведущих полукучевой образ жизни узбеков; показали их этнографические особенности и культурное взаимодействие с оседлым населением, их место в этногенезе узбекского народа.

Этнографическое изучение узбеков даштикипчакского происхождения имеет первостепенное значение для разработки проблемы этногенеза узбекского народа и истории сложения культуры узбекской социалистической нации. Исследователям предстоит еще большая работа по изучению этой интересной этнографической группы.

Н. Борозна

⁵⁵ С. П. Толстов, Города гузов, «Сов. этнография», 1947, № 3; его же, Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии, «Сов. этнография», Сб., VI—VII, М.—Л., 1947.

⁵⁶ Р. Г. Мукминова, Указ. раб.

⁵⁷ О. Д. Чехович, К истории Узбекистана в XVIII веке, Труды Ин-та востоковедения АН УзССР, вып. 3, Ташкент, 1954, и др. работы.

⁵⁸ М. Вахабов, Формирование узбекской социалистической нации, Ташкент, 1961.

⁵⁹ См. «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, М., 1962.

⁶⁰ Л. В. Ошанин, Антропологический состав и вопросы этногенеза таджиков и узбекских племен южного Таджикистана, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР, т. 62, Сталинабад, 1958. Работа написана на основании полевых материалов, собранных В. Я. Зезенковой.

⁶¹ К. Наджимов, Антропологический состав населения Сурхан-Дарьинской области, Ташкент, 1958.

⁶² Я. Р. Винников, Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР, т. 6, Ашхабад, 1962, стр. 97—101.

⁶³ См. Б. Х. Кармышева, Работы Среднеазиатской этнографической экспедиции (1957—1961 гг.), «Сов. этнография», 1962, № 2.

⁶⁴ Н. Г. Борозна, Изменения в хозяйстве узбеков-дурменов долины Кафирнигана (по материалам совхоза им. Калинина), «Сов. этнография», 1963 г., № 1.